
АЛЕКСАНДРА
Он затянул меня в ад
КНИГА ПЕРВАЯ
18+

АЛЕКСАНДРА

ОН ЗАТЯНУЛ МЕНЯ В АД

«Автор»
2026

АЛЕКСАНДРА

ОН ЗАТЯНУЛ МЕНЯ В АД / АЛЕКСАНДРА — «Автор», 2026

Он пришёл на парковку моего офиса за чужой душой и не рассчитывал на свидетелей. Я не должна была его видеть. Не должна была запомнить.В тот вечер мир раскололся надвое. Краски вытекли из него, звуки оборвались на полуслове, люди застыли с ключами в руках, и в целой минуте, вынутой из времени, двигались только двое: высокий мужчина в длинном чёрном пальто и я. От стены тянуло жаром. По рукам бежали мурашки, сердце колотилось в горле, а ноги не шли ни к нему, ни прочь.Потом он обернулся. Лицо у него было человеческое, красивое и совершенно изумлённое: он смотрел на меня так, словно невозможной здесь была я. Мне следовало испугаться, и я испугалась. Но под страхом шевельнулось то, чего я ждала с детства, когда часами приказывала карандашу сдвинуться с места. Мир наконец показал мне свою изнанку, и у изнанки были серые глаза.Наутро он сидел в моей переговорной.Первая книга трилогии. 18+

© АЛЕКСАНДРА, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 8

АЛЕКСАНДРА
ОН ЗАТЯНУЛ МЕНЯ В АД

Глава 1

В последний обычный день своей жизни я продала страховку от несчастных случаев человеку, который в несчастные случаи не верил, и была этим чрезвычайно довольна.

Мистер Питерсон владел сетью автомоек и сорок минут объяснял мне по телефону, что за тридцать лет в деле с ним не случилось ничего дурного и случиться не может, поскольку он человек осмотрительный. Я слушала, поддакивала и улыбалась, потому что улыбку слышно в голосе; этому учат на первом же тренинге по продажам, и это единственное, чему меня учить не пришлось. На сорок первой минуте он вздохнул, и по одному этому вздоху я поняла, что он согласен, на добрых полминуты раньше, чем это понял он сам.

— Питерсон? — Тесса выглянула из-за перегородки с таким лицом, будто я у неё на глазах прошла сквозь стену. — Он три года посылает к чёрту весь отдел. Как ты это делаешь?

— Колдую, — сказала я, и мы обе рассмеялись.

В каждой шутке, как известно, есть доля шутки. Сколько себя помню, я знаю о людях немного больше, чем они собирались мне сообщить: кто скажет «да», а кто лишь делает вид, что раздумывает, кому сегодня лучше не звонить до обеда и кто именно звонит мне самой, раньше, чем взгляну на экран. В отделе это называют чутьём и объясняют восемью годами в продажах; одна Тесса убеждена, что мужчины соглашаются со мной из-за глаз, но Тесса вообще невысокого мнения о мужчинах. Я не спорю ни с той, ни с другой версией, хотя чутьё поселилось во мне задолго до первого проданного полиса.

В семь лет я твёрдо намеревалась стать ведьмой и подходила к делу основательно: часами гипнотизировала карандаш, приказывая ему покатиться по столу. В десять мне стало нужнее останавливать время, желательно перед контрольной по математике; в двенадцать я мечтала гасить свет, не вылезая из-под одеяла, а в четырнадцать отдала бы все прежние таланты за умение читать мысли, причём мысли одного-единственного мальчика из параллельного класса. Карандаш лежал как лежал, время шло своим чередом, свет приходилось выключать рукой, а мальчик, как выяснилось безо всякого волшебства, думал о футболе.

Внешность, надо признать, была на моей стороне. Мне достались чёрные волосы, которых не могла удержать ни одна заколка, и глаза такой темноты, что зрачка в них не разглядеть, и в школьных спектаклях мне без обсуждения отдавали злую королеву, а Белоснежку играла Дженни Купер, у которой были ямочки. Я ни разу не возразила. Злая королева по крайней мере умела колдовать.

Потом я выросла и усвоила, что живу в мире, где ведьм не бывает, зато бывают квартальные планы. И всё-таки, угадав чужое «да» или потянувшись к телефону за секунду до звонка, я разрешала себе маленькую игру: будто где-то внутри меня до сих пор сидит ведьмочка, которой попросту забыли сообщить о её назначении. Игра была безобидная, из тех, какими взрослые женщины развлекают себя наравне с гороскопами и желаниями, загаданными на упавшую ресницу, и предавалась я ей с тем большим удовольствием, что ни минуты не сомневалась: это только игра.

На нашем этаже я числюсь человеком, у которого всё прекрасно, и выгляжу соответственно: каблуки, красная помада, которую Тесса зовёт моей боевой раскраской, и причёска, уложенная так, будто волосы никогда не доставляли мне хлопот. Это часть профессии, ведь у счастливых покупают охотнее, а счастье, как я давно выяснила, можно надевать по утрам вместе с туфлями. За восемь лет я научилась носить его так ловко, что меня никто уже не

спрашивает, как дела, поскольку ответ известен заранее, и лишь изредка по вечерам, смывая перед зеркалом тушь, я не сразу нахожу то место, где кончается лицо, которое я показываю, и начинается то, которое у меня есть.

В тот вторник, впрочем, мне было не до зеркал. В четверть седьмого я спускалась на парковку, подсчитывала комиссионные за Питерсона, выбирала между красным вином и белым и находила, что жизнь, в сущности, удалась.

Город наш стоит на берегу озера, такого большого, что приезжие принимают его за море и обижаются, не найдя в воде соли. Характер у него под стать: он широк в плечах, шумен, не слишком вежлив и с ноября по апрель дует в лицо всякому, кто вышел из дому без шарфа. Здесь не принято жаловаться на погоду, зато принято ею гордиться, как гордятся трудным родственником. Поезда у нас ходят не под землёй, а над головой, по ржавым эстакадам, и грохочут так, что разговор на углу приходится прерывать на полуслове. Я приехала сюда в двадцать один год с двумя чемоданами и намерением покорить его за сезон. Он этого, по-моему, до сих пор не заметил, но мы привыкли друг к другу, как привыкают соседи по лестничной клетке: без нежностей и с полным знанием чужих привычек.

Парковка у нашего бизнес-центра величиной с небольшой аэродром, и в этот час на ней так же людно. Сотни людей разом ищут ключи, прощаются до завтра и счищают с лобовых стёкол первый в этом году снег; хлопают дверцы, вспыхивают красным стоп-сигналы, а ветер с озера несёт через всё это запах кофе из киоска у шлагбаума. Моя машина стояла в дальнем ряду, и я шла к ней, перебирая в кармане ключи, пока ветер выбивал из моей причёски пряди, на которые утром ушло двадцать минут.

Сначала по рукам, от запястий к плечам, побежали мурашки, хотя ветер в ту секунду как раз стих.

А потом мир разделился, и я до сих пор не умею сказать об этом точнее: на белое и чёрное, на быстрое и медленное. Краски ушли из него разом, как уходят со старой фотографии; красные огни стоп-сигналов сделались серыми, густо-синее вечернее небо выцвело до золы. Следом пропал звук. Быстрым осталось одно моё сердце, а всё прочее замедлилось, словно воздух загустел, и снежинки, только что летевшие наискось, опускались теперь с такой неторопливостью, что я могла бы пересчитать их и каждой дать имя.

Людей не было.

Пропали все: мужчина с портфелем, шедший чуть впереди, курильщики у бокового входа, девушка, которая счищала снег с соседней машины и оставила на капоте щётку. В проезде между рядами застыл автомобиль, только что выруливавший мне навстречу; фары его горели, дворники замерли на полпути, а за рулём никого не было. На крыше чьей-то машины дымился забытый стакан кофе, и пар поднимался над ним лениво, как во сне.

Всех, кроме меня, словно вынули из этой минуты.

Я обернулась кругом и, кажется, сказала «эй», но голос упал к моим ногам, не пролетев и шага, как падает он в комнате, где слишком много ковров. Сотни машин стояли под фонарями, горевшими серым светом, снег медлил в воздухе, и на всём этом огромном поле асфальта я была единственным, что двигалось.

Тогда я увидела цвет.

Далеко, на другом конце парковки, там, где угол нашей башни смыкается с глухой стеной технического корпуса, стояли двое, и воздух вокруг них был тёплого оттенка, как вокруг свечи. Мужчина был высок и одет в длинное чёрное пальто. Женщина в светлом плаще, с сумкой на плече, показалась мне знакомой тем смутным знакомством, какое связывает всех, кто годами ездит в одних лифтах: я могла видеть её вчера в очереди за кофе, а могла не видеть никогда. Он держал её лицо в ладонях и склонялся к ней, и я успела смутиться, решив, что подглядываю за чужим поцелуем.

Потом я разглядела, что губы их не соприкасаются. Между ними дрожал воздух, как дрожит он в июле над раскалённой дорогой, и это дрожание текло от её рта к его рту, медленно и непрерывно, а она стояла, запрокинув голову и уронив руки, с той тихой покорностью, с какой подставляют лицо дождю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.